

УДК 398.4

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-58-80

Эвиденциальность
как «внутренний комментарий» текста:
свидетельства о «диком человеке»

Сергей Ю. Неклюдов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey.nekludov@gmail.com*

Аннотация. Сообщения о «снежном человеке» весьма разнородны. Аутентичных фиксаций устного рассказа среди них мало, чаще это пересказы со слов носителей традиции, причем иногда подобные сведения сразу сообщаются на языке собирателя, неродном для информанта. Для текстов такого рода характерно указание на источник сведений рассказчика: являлся ли он свидетелем события, передает ли свое сообщение с чужих слов и с чьих именно – непосредственного свидетеля, «пересказчика» и т. д. Наличие подобных «верифицирующих комментариев» дает основание говорить об эвиденциальности как об особой «нарративной категории» в традициях «мифологической прозы».

«Достоверность сообщений» обеспечивается несколькими риторическими способами, включая альтернативные: описанием недавних событий как максимально очевидных либо, наоборот, опорой на давнишнюю информацию, которая, таким образом, оказывается проверена временем и испытана на устойчивость; «личным свидетельством» повествователя или, напротив, передачей авторства другому, утверждением себя лишь в роли ретранслятора; ссылкой на молву, на общие представления местных жителей, с одной стороны, и на конкретный «авторитетный источник» – с другой.

Авторитетность источника гарантируется родством/знакомством с рассказчиком, его принадлежностью к числу социально, культурно, конфессионально значимых персон, к военным с их «кругозором», к людям умственного труда как к надежным носителям «позитивных знаний». Источником может быть и «личная история», конкретный случай и сам казус, описываемый без опоры на «речевой акт». Чаще сведения, фиксируемые «внешним наблюдателем», передаются не участниками/очевидцами события, а анонимными или групповыми трансляторами, наличие которых удлиняет цепочку информации

до трех и даже четырех звеньев. Сама позиция «внешнего наблюдателя» – обычно автора «окончательного» текста – достаточно подвижна: он может быть выходцем из данной локальной традиции, иностранным специалистом по данному региону или (чаще всего) любознательным дилетантом, увлеченным поисками «снежного человека».

Ключевые слова: «снежный/дикий человек», устный рассказ, эвиденциальность, авторитетный источник, личное свидетельство, участник, очевидец, внешний наблюдатель

Дата поступления статьи: 21 сентября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 19 ноября 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Неклюдов С.Ю. Эвиденциальность как «внутренний комментарий» текста: свидетельства о «диком человеке» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 58–80. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-58-80

Evidentiality as an ‘internal commentary’ on the text: Testimonies about the ‘wild man’

Sergei Yu. Neklyudov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sergey.neklyudov@gmail.com*

Abstract. Reports about the “Bigfoot” are very heterogeneous. There are some authentic records of oral narratives but more often they come secondhand, when the words of tradition keepers are retold by the outsiders. Moreover, sometimes these words are initially shaped in the foreign language, which is not native to the informant. The texts of this kind typically indicate the source of the narrator’s information: whether he witnessed the event, or transmitted his message from hearsay (heard it from a direct witness, or another “reteller”, etc.). The presence of such “verifying comments” gives grounds to speak of evidentiality as a special narrative category in the traditions of “mythological prose”.

“Credibility of messages” is ensured by several rhetorical methods: by describing recent events as maximally obvious, or, alternatively, by relying on long-standing information, which is presented as time-tested and firmly established. Sometimes it is a “personal testimony” of the narrator or, on the contrary, the authorship is transferred to another, while narrator asserting oneself only in the role of a relay. It can be also done either by referring to rumor, to the general perceptions of local residents, or to a specific “authoritative source”.

The authoritative status of the source is guaranteed by kinship/acquaintance with the original narrator, by his belonging to the group of socially, culturally, religiously significant persons – for instance, to the militaries who have a wider experience of the outside world, or to the intellectuals (in a broad sense) who are seen as reliable carriers of “positive knowledge”. In some cases, the source can be a “personal history”, a specific case, or the event itself, described without reliance on someone else’s words. More often the information recorded by the “external observer” is transmitted not by participants/witnesses of the event, but by anonymous or group “retranslators”, whose presence lengthens the chain of information to three or even four links.

The very position of the “external observer”, usually the author of the “final” text, is quite mobile: he can be a native of a given local tradition, a foreign expert on a given region, or (most often) an inquisitive dilettante, fascinated by the search for Bigfoot.

Keywords: “Bigfoot / wild man”, oral story, evidentiality, authoritative source, personal testimony, participant, eyewitness, external observer

Received: September 21, 2023

Approved after reviewing: November 19, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Neklyudov, S.Yu. (2024), “Evidentiality as an ‘internal commentary’ on the text: Testimonies about the ‘wild man’”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 58–80. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-58-80

1.

Помимо духов предков, «хозяев» ландшафта, флоры, фауны, стихий, болезней, профессий и т. д., в «низшей мифологии» некоторых народов Евразии существует корпус историй о неких звероподобных, но антропоморфных существах (мигоях, йети, алмасах, голуб-яванах, каптарах, чучун, мюленов и т. д.), которые не пользуются огнем, не носят одежды, не владеют членораздельной речью, а иногда имеют и некоторые демонические признаки. В отличие от диких жителей запредельных земель из описаний «мифологической географии», они скрытно обитают в неосвоенных и труднодоступных местах «нашего» мира (горных пещерах, лесах, пустынях), время от времени вступая в соприкосновение с людьми, обычно небезопасное. Наконец, с ними бывают связаны и определенные религиозно-магические практики, народные обряды, игрища, праздничные карнавалы. Локализация подобных традиций – Гималаи, Тибет, Памир, Тянь-Шань, монгольское плато, горные районы Восточной Азии, Северный Кавказ, Балканы, Западная и Северная Европа.

В фольклорно-этнографических материалах, в записках путешественников рассказы о «диких людях» появляются примерно со второй половины XIX в.; кроме того, аналогичные сведения можно извлечь из письменных источников более отдаленного прошлого (прежде всего, древнекитайских и средневековых европейских), а также из разных изобразительных материалов. Вплоть до середины XX в. эти сведения не становятся предметом целенаправленно-собираательского интереса или основой специальных антологий, чаще мы имеем дело с их более или менее развернутыми окказиональными упоминаниями в посторонних контекстах. Коллекции извлечений из подобных источников появляются только в конце 1950-х гг.¹, позднее начинают публиковаться и тематические собрания фольклорных записей².

Сообщения о «диком человеке» можно рассматривать как тексты мифологической прозы, хотя и весьма специфической. По своему характеру они разнородны: одни лишь констатируют присутствие этого персонажа в определенных природных зонах, другие описывают конкретные ситуации, свидетельствующие о его существовании, третьи рассказывают о связанных с ним «реальных происшествиях». Таким образом, материал здесь представлен несколькими типами «культурных сообщений».

1. Отдельные упоминания или целые истории, записываемые со слов местных жителей путешественниками, альпинистами, натуралистами, географами, этнографами XIX–XXI в. Чаще мы имеем дело с пересказами, в том числе с обобщенными изложениями соответствующих поверий, тогда как аутентичных фиксаций устного повествования среди подобных текстов довольно мало. Обычно это либо пересказ с одного из местных языков, иногда через язык-посредник проводника экспедиции, либо сообщение на языке собирателя-европейца, неродном для информанта.

---

¹ Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке» / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. Вып. 1–2. М.: [Академия наук СССР], 1958; Вып. 3. М.: [Б. и.], 1959; Вып. 4. М.: [Всеросс. о-во содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Центр. совет], 1959.

² *Shiva Dhakal*. Folk tales of Sherpa and yeti / with a foreword by Murari P. Regmi. Jaipur: Nirala Publications, 1991. 91 p.; *Rabjir Ra*. Almas-un tuqai domoy yari-a [Легенды об алмацах]. Ulayanbayatur, 1991. 188 p.; *Kunzang Choden*. Bhutanese tales of the yeti. Bangkok, Thailand: White Lotus Press, 1997. 150 p.; *Battulga Tumurdash*. Mongolia's yeti, the almas: twelve amazing tales of the snowman from the steppes / ed. by L. Waugh. Ulaanbaatar: Look Mongolia Co, 2009. 42 p.; см. также Приложения 1–2: [Петров 2017, с. 34–44].

2. Извлечения из древних и средневековых памятников книжной словесности (исторических, географических, медицинских и пр.), которые в какой-то мере отражают фольклорно-мифологические традиции своего времени.

3. Сведения гоминологических экспедиций, специально посвященных поискам «снежного человека»; отличие подобных материалов от записей первых двух групп обусловлено их коммуникативным заданием, неминуемо влияющим как на отбор текстов, так и на их содержательный состав.

4. Продукты массовой культуры, которая переплавляет материалы всех трех групп в увлекательные истории «об удивительном», современные «готические новеллы» и реверсивно влияет на автохтонный фольклор.

Гетерогенная и гетероморфная природа сообщений о «диких людях» с их межжанровой циркуляцией и перекрестной текстурализацией не позволяет уверенно оценить количество и объем данного материала. Если принять за единицу измерения некое «сведение о персонаже» – от простого упоминания до развернутого рассказа, то подобных «сообщений» окажется по крайней мере несколько сотен (включая изобразительные формы), причем их максимальная плотность придется на Центральную Азию и Западную Европу³.

«Сведения» передаются в разной модальности и разными персонами: «участником/свидетелем события» или «реципиентом/внешним транслятором сообщения» [Черванёва 2019, с. 13–14]. Как в реальных коммуникациях, так и в сравнительно-типологическом плане эти роли оказываются соположенными, ассимилируемыми и взаимозамещаемыми. Согласно миропониманию, сформированному научными открытиями середины XIX в. [Неклюдов 2022], «внешний» реципиент (скажем, путешественник, географ, журналист, относящийся к данной легенде как к достоверному источнику) легко становится не только «транслятором/интерпретатором» сообщения, но также «участником/свидетелем» самого «события». Тем самым цепь передач/пересказов/упоминаний – от полевого интервью или наблюдения до журнальной публикации – сплавляется в общую традицию, не позволяющую строго отделить «исходный» текст от «вторичных» рецепций, устные формы от письменно зафиксированных. Соответственно, «фольклорным

---

³ Предлагаемое ниже предварительное исследование базируется на выборке примерно 150 «сообщений» из разных регионов бытования легенды (тибетских 14, монгольских 50, казахских 20, памирско-таджикских 28, якутских 14, северокавказских 7, русских 22).

фактом» (точнее, фактом, изучаемым в качестве фольклорного) в известном смысле оказывается вся эта традиция, носителем которой является каждый участник коммуникативного процесса, не дистанцирующийся от его содержательной стороны, не объективирующий ее.

В рассматриваемых сообщениях указания на источник сведений встречаются довольно часто. Упоминается, являлся ли рассказчик непосредственным наблюдателем, даже участником события, передает ли он информацию с чужих слов, и с чьих именно – свидетеля, «пересказчика» и т. д. Подобные данные обычно не входят в содержательный корпус сообщения, представляя собой его «модальное сопровождение», своего рода верифицирующий комментарий к рассказу. Наличие в традиции этих «эвиденциальных показателей» (засвидетельствованность визуальная/слуховая; прямая/непрямая; достоверность «пересказывательная»/логически предполагаемая, умозаключительная, инференциальная) дает основание говорить об эвиденциальности как особой «нарративной категории»⁴.

Реальность описываемого в рассказе иногда прямо увязывается с его верификационной убедительностью, т. е. с ожидаемой оценкой этой убедительности (буквально «по вере вашей да будет вам», Мф 9:29)⁵ или даже с «физической возможностью» потенциального визионера иметь подобный статус.

На мой вопрос: «не встречал ли он его <«дикого человека»> хотя бы раз в своей жизни?» – он ответил, что нам, простым людям,

---

⁴ Аналогично соответствующей грамматической категории [Козинцева 1994, с. 92–104]; Aikhenvald 2004; см. также: *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с. К сходным аспектам рассмотрения материала постоянно обращаются и фольклористы (см., например: [Артеменко 1994; Артеменко 1998; Черванёва 2019; Веселова, Степанов 2019; Бичеев 2020]).

⁵ Ср.: «“А правда ли, что Стенька до сих пор кое-кому является?” – “Не верье нынче пошло, – медленно начал рассказчик, – а раньше так часто, говорят, он народу являлся. Вот и на моей памяти однажды случилось... Врать не стану, сам не видал, а шабер <сосед> мой летошний год, зимой, за дровами ездил, далече, за Дурманную гору...”» (*Зайковский Б.В.* Бугор Стеньки Разина // Труды Саратовской Ученой архивной комиссии. Вып. 24. Саратов: Сарат. губ. учен. арх. комис., 1908. С. 48). Таким образом, получается, что теперь «он» редко является народу (или не является вовсе) из-за «неверья» в его появление.

нельзя увидеть его, – вероятно, этот старик был очень суеверным человеком⁶.

«Я сам просто не представляю, как можно снежного человека увидеть» [Петров 2017, с. 41].

Рассматривая приемы «засвидетельствования достоверности» событий, описываемых фольклорным рассказчиком, Е.С. Новик [Новик 2019, с. 307–329] приходит к выводу, что арсенал способов подкрепить свое знание «истории» ссылкой на источник и/или на свидетеля включает несколько основных форм: исполнитель либо (1) ссылается на тех, от кого он слышал пересказываемую им историю, либо (2) помещает между собой и слушателями посредника – некое «одушевленное повествование» или (3) героя, от лица которого оно ведется. Соответственно, «гарантия истинности» сообщения обеспечивается не только личным свидетельством (что является ее наиболее «сильной» формой), но и, напротив, дистанцированием повествователя от текста, передачей авторства другому лицу, утверждением себя лишь в роли транслятора рассказа. В первом и третьем случаях за этим стоит отсылка к «авторитетному» источнику (каковым в архаической традиции, например, может оказаться сакрализованый, харизматический персонаж, по определению обладающий правом продуцирования текстов).

Итак, наряду с относительно редкой фиксацией прямого «фольклорного свидетельства», мы, как правило, имеем дело со ссылками «внешнего наблюдателя» на «общее знание» традиции, в том числе «историческое», на ее конкретного носителя, на конкретный повод сообщения, а также на личное свидетельство самого наблюдателя, что, по существу, стирает грань между «внешней» и «внутренней» позицией носителя информации, делая его свидетелем или даже участником «события» [Борисова 2009, с. 114; Черванёва 2017, с. 214]. Напротив, местонахождение автора текста вне пространства бытования традиции превращает наблюдателя в эксперта, который опирается на некий авторитетный источник сообщения, на описание определенного случая, что неизбежно выстраивает более сложную коммуникационную цепочку, с привлечением в нее дополнительных

---

⁶ Письмо инженера В. Широколобова <завмастерскими Ижморской МТС Кемеровской области, 23 декабря 1956 г.> действительному члену Географического общества Союза ССР доценту Королеву // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шамова. М.: [Б. и.], 1959. С. 44.

посредников передачи информации, включая «технические» (письменно зафиксированные тексты, в современных условиях – аудиозапись, интернет-источники). Часто, однако, «модальное сопровождение» сообщения является комбинацией ссылок разного уровня.

Рассмотрим эти случаи подробнее.

2.

Как уже было сказано, прямых записей самого «голоса традиции» среди сообщений о «диких людях» относительно мало, и они представляют особую ценность.

Алмас – это, говорят, дикий человек. <...> Слышал, что в Баян-Улгийском аймаке есть следы, оставленные алмасом (Булган, 2007).

У нас в районе ево видали. <...> Ну, видели ещё потом ево. А вот у нас вот хоть ково спросите – много снежново человека видали. <...> Вот много рассказывали, што видали... [Петров 2017, с. 40, 42].

Личное («прямое») свидетельство предполагает рассказ от 1-го лица. Подобные тексты, естественно, наиболее редкие, передают непосредственное впечатление об увиденном, а их верификационная убедительность весьма велика, многократно превосходя в этом плане «косвенные» сообщения, располагаемые на концах удлиненных коммуникационных цепочек [Черванёва 2022, с. 206–207]. Подобное «личное свидетельство» может принадлежать и «внешнему наблюдателю».

В стране этой и при всем этом я был сам и все видел собственными глазами, когда находился при вышеупомянутом королевском сыне по имени Чекра⁷.

Возвращаясь из Тибета <...> я отстал, чтобы дать моей лошади возможность отдохнуть. Внезапно я услышал легкий шум. Обернувшись, я заметил в двадцати шагах от себя страшное существо, нечто вроде человека, почти голое, хотя стоял

---

⁷ Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / пер. со старонем. Ф.К. Бруна. Баку: Элм, 1984. С. 35. Иоганн Шильтбергер около 1396 г. попал в плен к туркам, затем к Тимуру, был подарен Едигею и смог вернуться домой более чем через 30 лет (см.: *Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427*. Mainz, 1494. 166 p.). Чекра – чингизид, претендент на ханский престол в Золотой Орде и ее хан в 1414–1416 гг.

ноябрь и было очень холодно. У него была желтая кожа, покрытая шерстью, на голове – густые спутанные волосы...⁸

Неизвестно, кого на самом деле встретил наш путешественник по Тибету. Это мог быть, скажем, один из так называемых «святых безумцев» [Stein 1959, pp. 490–491], известных своим эксцентрическими подвижническими практиками.

Чтобы лучше уподобиться аскетам, владеющим искусством развивать внутреннее тепло, он, не теряя времени, разделся до гола и перестал стричься. <...> <Это был> здоровенный детина, все одеяние которого состояло из шевелюры, заплетенной в одну длинную, до пят, и еще удлинненную хвостом яка косу. <...> Внезапно за поворотом тропы мы увидели совершенно голого человека... <...> Монах выходит из своей хижины или пещеры. Как бы ни было холодно, он абсолютно наг...⁹

Могла это быть, наконец, и одна из горных галлюцинаций, получивших название «фактор кажущегося “третьего”» («спутника», «проводника» и т. д.) [Hüfner et al. 2017, p. 1–8], предустановленный образ которого, по-видимому, уже имеется в подсознании визионера.

Впрочем, сам ли англичанин видел это человекоподобное создание – действительное или фантомное? При убежденности в реальности некоего события (и ожидаемой недоверчивости слушателей) у рассказчика, даже в целом достаточно добросовестного, вполне может возникнуть искушение приписать себе заслугу непосредственного свидетельства – для доказательства достоверности излагаемой истории. Это опять-таки подтверждается анализом приемов более архаической фольклорной трансмиссии, когда рассказчик «прибегает к повествованию от своего собственного лица, ставя себя самого в позицию наблюдателя происходящих событий. В результате возникают причудливые формы,

⁸ *Delaquis G. Voyages et decouvertes. L'homme des neiges. Documents du monde. Paris, 1954. P. 26.* Описание этого эпизода цитируется в названной книге в качестве реплики одного из собеседников по некоей не названной (и так и не обнаруженной) публикации «в одном английском журнале 1905 г.»; не удалось найти и какие-либо упоминания ее автора, г-на Г. Найта (Hugo Knight).

⁹ *Давид-Неэль А. Мистики и маги Тибета / пер. с фр. [Е.Н. Молер;] предисл. Т. Лещенко-Сухомлиной. М.: Дягилевъ центрЪ: ЦДЛ, 1991. С. 134, 136, 149, 157.*

позволяющие чередовать или даже совмещать изображение событий “извне” и “изнутри”, представлять прошлое как происходящее на глазах» [Новик 2019, с. 327].

В некоторых случаях сам информант по своему коммуникативному статусу занимает промежуточное положение между «субъектом культуры» и «внешним наблюдателем» – в этом случае его дистанцирование от «знания/мнения» традиции оказывается минимальным, в силу чего он может выступать как наиболее компетентный эксперт в данной области.

По словам Чимиддорджи <уроженца Восточногообийского аймака>, в указанных выше районах можно собрать массу сведений о встречах местных арат с алмасами...¹⁰. Товарищ Сагнашев сообщил, что в районе, расположенном недалеко от озера Лобнор, где он родился и вырос, населению хорошо известно о существовании в этих местах диких людей...¹¹.

Наиболее часто в сообщениях о «диком человеке», в том числе в «исторических свидетельствах», дается ссылка на некое «общее знание», на слухи, анонимно артикулируемые традицией.

Ближе к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят, действительно живут дикие люди (*sylvestres homines*)... (1246)¹². Живущие там люди полагают... (≈ 1410)¹³.

В 1851 году среди жителей города Хасавюрт и окрестных селений длительное время упорно ходили слухи, что в границах упомянутого лесного массива появился дикий человек. <...> По рассказам, он... Рассказывали, что хасавюртовский

---

¹⁰ Ринчен <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова. М.: [Б. и.], 1959. С. 15.

¹¹ Выступление Таштана Сагнашева <сообщил проф. С.Е. Кляйненберг> // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова. М.: [Б. и.], 1959. С. 35.

¹² *Плано Карпини (Джиованни дель Плано Карпини)*. История монголов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / пер. А.И. Малеина; ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд. географ. лит., 1957. С. 38–39.

¹³ *Шильтбергер И.* Указ. соч. С. 35.

дикий человек... Рассказы о диком человеке хасавюртовского леса бытовали на протяжении 2–3 месяцев¹⁴.

Ганьсуйские тангуты уверяли, что этот зверь водится в их горах...¹⁵.

Второе сказание, которое нам особенно часто приходилось слышать, так как оно чрезвычайно распространено в стране <Абхазия> – это сказание о лесных людях (1893)¹⁶.

Говорят, он, подобно медведю, роет себе нору в земле... (1924)¹⁷. <В местности Тьендзу> от местных жителей-тибетцев слышал, что в горах Нань-Шаня труднодоступных живут человекоподобные существа...¹⁸

Вблизи этих озер <к сев.-вост. от Урумчи>, по рассказам, обитают дикие люди. <...> Говорилось даже, что они <«дикие люди» с оз. Лобнор> могут съесть¹⁹.

Иногда сообщение обходится и без апелляции к «молве/слуху», вообще без ссылки на какую-либо «речевую деятельность», лишь констатируя наличие неких сведений о предмете или ограничиваясь определенным умозаключением о нем.

¹⁴ Каптар – «снежный человек» Главного Кавказского хребта? Сообщение В.К. Леонтьева <госохотинспектора Госохотинспекции при Совете Министров ДА ССР, г. Махачкала, 29 февраля 1959 г.> // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 102–103. Источник этих сведений более чем столетней давности на момент записи (1959 г.) не указан.

¹⁵ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов: Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии / под ред. и со вступит. ст. Э.М. Мурзаева. М.: Географгиз, 1946. С. 287.

¹⁶ *Альбов Н.М.* Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. 1893. Т. 3. С. 297–329.

¹⁷ *Драверт П.Л.* Дикие люди мулена и чучуна // Будущая Сибирь. 1933. № 6. С. 40–43; *Гурвич И.С.* Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). М.: Мысль, 1975. С. 9–10, 12–13, 44.

¹⁸ Народные сведения о ми-гё в горах Наньшаня: Сообщения С.Г. Курзенкова <журналиста, полковника запаса> // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 36.

¹⁹ В Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»: Сообщение П.Ф. Рагова <генерал-майора в отставке> // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова. М.: [Б. и.], 1959. С. 33–34.

Установлено, что в провинции Фуцзянь...²⁰

Предполагают, что они живут в пещерах. Выяснилось, что в низовьях Лены...²¹

Можно встретить арат-гобийцев <монголов-скотоводов>, видевших силуэты алмасов в предрассветной мгле²².

Часто первоисточниками сведений оказываются недифференцированные групповые персонажи («местные араты», «китайские военные», «китайские солдаты, служившие в Ташкургане»²³), что совпадает с некоторыми дискурсивными стратегиями народной традиции, направленными на изложение коллективного опыта в форме обобщенного суждения. Отсылку к коллективному опыту можно усмотреть и в упоминании группы «со-свидетелей» (иногда не поименованных), теоретически способных подтвердить достоверность передаваемой информации: «Он вместе с тремя товарищами случайно встретился с алмасом в горах Бурхуту...»²⁴.

В других случаях автор текста несколько уточняет источник своей информации, определенным образом «персонализируя» его.

Один местный мужчина уверяет, что знает место захоронения трехметрового снежного человека²⁵.

Ми-гоу, по сообщениям этих монахов, не является агрессивным по отношению к человеку. Некоторые путешественники утверждают, что ми-гоу снабжали их ягодами и съедобными кореньями...²⁶

---

²⁰ Kircher A. China monumentis qua sacris qua profanis nec non variis naturae et artis spectaculis aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrata. Amstelodami, 1667. P. 193.

²¹ Гурвич И.С. Указ. соч. С. 9–10, 12–13, 44.

²² Ринчен <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 11.

²³ В Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»: Сообщение П.Ф. Ратова... 1959. С. 33–34.

²⁴ Ринчен <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 12.

²⁵ Цирульников А. Облавная охота на зайцев у северных якутов: педагогическая экспедиция на полюс холода // Дружба народов. 2008. № 10. С. 186.

²⁶ Белицкий М. Что я слышал в Тибете о йети? // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шамова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 42.

Отдельную группу составляют рассказы «внешних наблюдателей», содержащие ссылки на конкретного носителя традиции (иногда – названного по имени) и на его свидетельство.

Один священник из К а т а и и <Китай (Cathay)> <...> рассказал мне, <что> в восточных странах Катайи находятся высокие скалы, на которых живут какие-то создания, имеющие во всем человеческий образ...²⁷

П а т е р Г е н р и х Р о т рассказывал мне, что в то время <в 1660 г.?,> когда он был в Агре...²⁸ О д и н л а м а рассказывал, что он жил один, а кто-то неведомый ему готовил... (Рашаанд, 2011).

О д н а к и р г и з к а, жившая там <в Алтын-мазаре, сев.-вост. Памир>, рассказывала...<...> Д ж е м а г у л ж е <памирский киргиз> мне рассказывал, что давно, «еще при Николае», он издали видел двух диких людей... Тогда же он рассказывал... П р и э т о м п р и б а в л я л о с ь, что сейчас диких людей совсем нет, а раньше «все-таки были» [Станюкович 1957, с. 344].

Способом верификации сообщения бывает также передача впечатлений очевидца, чья надежность подкрепляется, скажем, личным знакомством или родством с рассказчиком («брательник», «друг»; см. примеры ниже), либо его особой авторитетностью²⁹.

Д у б а н ь в У р у м ч и <правитель Синьцзяна> не рекомендовал мне ехать в район озера Лобнор, так как там много «диких людей»³⁰.

²⁷ *Gillem de Rubruk*. Путешествие в Восточные страны // Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука / пер. А.И. Малеина; ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд. географ. лит., 1957. С. 154–155.

²⁸ *Kircher A.* China monumentis... Amstelodami, 1667. P. 193. Генрих Рот (Heinrich Roth, Henricus Rodius, 1620–1668), миссионер, индолог-лингвист. Агра – город в Северной Индии, историческая столица Великих Моголов.

²⁹ «Рассказчик-информант обязательно подчеркивает правдивость своего рассказа, утверждая, что встречался со сверхъестественным существом сам, либо его родственник, друг, знакомый, приятель, односельчанин и т. д. Как правило, ссылаются на уважаемых, серьезных, заслуживающих доверия людей» [Николаева 2014, с. 103]. Ср.: «По о р а с с к а з а м в е с ь м а с е р ь е з н ы х л ю д е й я з н а ю, что Разин, тайно и переодевшись, чтобы не быть узнанным, приходил в Москву и разослал отсюда своих людей...» [Марций 1975, с. 67].

³⁰ В Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»: Сообщение П.Ф. Ратова... 1959. С. 34.

От него <волостного управителя Чуттыбая Намазова> лично я узнал следующие подробности о «диком человеке»³¹.

Так, председатель колхоза «Ленинский путь» на Памире Джурмамат Мусаев, который хорошо знает территорию своего колхоза... Старые охотники Улджачи и Уразали из этого же колхоза, много постраствовавшие на своем веку по Памиру, утверждают... [Станюкович 1957, с. 345].

Сильным аргументом в пользу «объективности» визионера является его принадлежность к военному сословию (по-видимому, обладающему более широким кругозором в силу своей мобильности, не говоря уж о причастности к властным инстанциям).

Полковник М. Ваулин, служивший в одном из кавалерийских полков в Хатане, а также полковник А.К. Кулешов, долго живший в Хатане и в Черчене, рассказывали мне в 1939 г. о существовании диких людей в районе Ташкуртана. <...> В 1939–1941 гг. я бывал в этих местах <к северо-востоку от Урумчи>, расспрашивал китайских военных по поводу слухов об обитании здесь диких людей и получил от них подтверждения³².

Другая группа «авторитетных источников» – люди умственного труда (учителя, медики и пр.), вообще профессиональные «хранители знания», что в наше время, возможно, подразумевает и известную «рациональность мышления», свободу от суеверий и предрассудков, в конечном счете – апелляцию к «науке»:

Об этой встрече с алмасом профессор Барадин рассказывал своему другу профессору Жамцарано, от которого я узнал в 1927 г. об этом. <...> Преподаватель начальной школы в Гобийском Алтае, видевший в 1929–30 гг. мертвую девочку алмаску, попавшую случайно под самострел, поставленный охотником, и живого алмаса-самца <...> третий очевидец, т<ов>. Нагмит, рассказ которого я хочу сообщить, работает ныне в одной из аптек Улан-Батора. <...> Научный сотрудник плодово-ягодного опытного

---

³¹ Сообщение П.И. Чумаченко // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 32.

³² В Комиссию по изучению вопроса о «снежном человеке»: Сообщение П.Ф. Ратова... 1959. С. 34.

хозяйства нашего Комитета наук <...> т<ов>. Чимиддорджи сообщил...³³

Наконец, еще одна верификационно «сильная» форма – ссылка на прецедент, на «реальный случай», произошедший с конкретным человеком в конкретных обстоятельствах.

Ненцы уверяли, будто некоторые из них видели *сирти*. Называют ненца Майн Саландера, который «видел» сирти в юности (к 1936 г. ему было 90 лет) [Прокофьева 1953, с. 204].

В 1953 г. на сев.-вост. Китая распространился слух, что охотникам удалось убить чудовище в Тайюаньском районе где-то в стороне от станции И-Сюнь... [Станюкович 1957, с. 344].

Рассказывают, один чучуна украл ребенка, а другой выкрал девушку и жил с ней полтора года...³⁴ Старый китайский охотник <...> рассказал мне, что несколько лет назад он набрел на след «огромного человека»... и он показал мне руками размер следа...³⁵

В наслеге Сатагал, старик – хозяин угодьев увидел в сенокосную страду, в двадцатых числах июля, следы гигантского размера. Сбежался народ. <...> Старику это надоело, он взял и стер следы «чучуны»³⁶.

В Каргополе был <снежный человек>. <...> он явился туда, в эту казарму. <...> Вот пока эти бегали, ребята, доносить, што што-то у них надо, в казарму появились, ну он куда-то ушёл. [Двоюродный брат с другом] к рыбе-то подъехали, фигак – кто-то ф кусты пробежал! [Петров 2017, с. 41, 42].

Именно подобные рассказы могут разворачиваться в целые новеллы, пересказываемые устно или циркулирующие в Интернете, например:

Трое друзей, совершая восхождение на Памир, в какой-то момент увидели странный мохнатый силуэт, и это существо убежало от них за уступ горы. Они побежали за ним, причем два человека вырвались

³³ Ринчен <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 11, 14.

³⁴ Гурвич И.С. Указ. соч. С. 61.

³⁵ Письмо инженера В. Широколобова... 1959. С. 44.

³⁶ Цирульников А. Указ. соч. С. 186.

вперед, а третий отстал. Эти двое что-то увидели за уступом, но потом ни с кем не поделились своими впечатлениями. Третий <...> отстал и ничего не видел. Через год один из тех, кто побегал вперед, сорвался с горы и погиб. Второй человек поехал в Непал и там пропал без вести. Единственный, кто остался жив, это тот, кто не побегал. <...> Рассказчики <С.М., А.Т. (г. Аврора, Онтарио)> были знакомы по крайней мере с одним из этих погибших туристов³⁷.

Вернемся к вопросу о более сложных, многосоставных коммуникационных цепочках, включающих дополнительные звенья-посредники – хранители и передатчики информации, в том числе «технические».

На Алтае живет один поселенец, который в бытность свою солдатом ходил с охотничьей командой на охоты. Где это было, я в точности не знаю, так как слышал <его> рассказ из вторых рук...³⁸

Вот, у меня брательник гърит, што видал, и у меня дру <г> гръ <ит> драк тоже как-то видал [Петров 2017, с. 41].

Член нашей экспедиции Николай Николаевич Романов уверяет, что его зять сам видел этот след³⁹.

<Получил> письмо от одного пожилого человека, офицера прежней армии. Однажды... он увидел в лесу дикого человека⁴⁰.

В приведенных примерах между автором текста и самим «событием» (встреча с «диким человеком», виденье «его следа»)

³⁷ Ekaterina Neklyudova, личные письма, 24.09.2012 – 15.10.2012.

³⁸ Архив АН СССР <Ленинград>. Ф. 2. Оп. i–1914. № 24. Л. 107–110: Письмо В.А. Хахлова профессору П.П. Сушкину (г. Зайсан <Семи-палатинск. обл.>, 18.XII.<19>14 г.) // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 4 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова. М.: <Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Центральный совет>, 1959. С. 88.

³⁹ Цирульников А. Указ. соч. С. 186.

⁴⁰ Из письма проф. Т.Х. Шоу // Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 3 / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. М.: [Б. и.], 1959. С. 35–36.

стоит «посредник»⁴¹, на которого ссылается рассказчик: «брательник», «друг», «зять члена экспедиции», «офицер прежней армии». В последнем случае коммуникационную цепочку, передающую данное сообщение, можно считать состоящей не из двух, а из трех звеньев («офицер прежней армии» – его письмо – автор текста), поскольку в ней фигурирует еще и технический носитель информации в виде «документального свидетельства», которое, впрочем, не предьявляется (= не цитируется), а лишь пересказывается.

Удлинение подобной цепочки до трех и даже четырех звеньев встречается нередко – как, например, в сведениях, приводимых акад. Б. Ринченом:

Об этой встрече с алмасом профессор Барадин рассказывал своему другу профессору Жамцарано, от которого я узнал в 1927 г. об этом. <...> Т<ов>. Чимиддорджи сообщил моему ученику Бадра несколько весьма любопытных данных приблизительно двадцати-двадцатипятилетней давности... По словам Чимиддорджи, в указанных выше районах (западная часть Гоби) можно собрать массу сведений о встречах местных арат с алмасами и найти людей, которые видели алмасов или подвергались их нападению десятка три и больше лет тому назад⁴².

В одном случае перед нами цепочка из трех звеньев (*Барадин* → *Жамцарано* → *Ринчен*), а в другом – из четырех («местные араты» → *Чимиддорджи* → *Бадра* → *Ринчен*).

По словам Б. Ринчена, профессор Б. Барадин⁴³ был единственным ученым, «которому посчастливилось во время своего путешествия встретиться с алмасом»:

В урочище Бадын Джаран во Внутренней Монголии Барадин был изумлен появлением волосатого человека, перебежавшего путь каравану и поднявшегося на бархан. Шараб Сиплый объяснил ученому,

⁴¹ Встречаются, кстати, попытки сократить подобную цепочку, убрав из нее посредующие звенья чьих-либо пересказов или общей молвы: «К сожалению, я лично не видал самого очевидца, но в течение нынешней зимы попытаюсь расспросить» (Письмо В.А. Хохлова профессору П.П. Сушкину... 1959. С. 88).

⁴² *Ринчен* <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 11, 14–15.

⁴³ Барадин (Барадийн) Б.Б. (1878–1937) – ученый, литератор, государственный и общественный деятель Бурятии.

что это дикий человек – алмас <...> который быстро скрылся за барханом. Преследовать его один Шараб не решился, и караван продолжал путь⁴⁴.

Тем самым свидетельство опирается на авторитет ученого, монголоведа и тибетолога; следует, впрочем, напомнить о самой коммуникационной цепочке (*Барадин* → *Жамцарано* → *Ринчен*), в которой между авторитетным источником сообщения и автором текста, содержащего данную информацию, размещается чрезвычайно солидный посредник – Ц. Жамцарано⁴⁵, человек опять-таки весьма известный, но, как и Б. Барадин, к моменту написания данного текста давно покойный.

Обратим внимание, что все описываемые впечатления относятся к более или менее отдаленному прошлому: «в 1939–1941 гг.» (т. е. примерно за 20 лет до написания текста), «данные приблизительно двадцати-двадцатипятилетней давности», «десятка три и больше лет тому назад», «от которого я узнал в 1927 г. об этом» (т. е. 30 лет назад); рассказ «офицера прежней армии» опять-таки должен относиться в событиям не менее чем десятилетней, а скорее всего – гораздо большей давности.

Отнесение источника сообщения в прошлое также является важной формой гарантирования его «истинности» (что, видимо, соответствует мифологической парадигме сакрального «раннего времени»). Здесь обнажается и сам механизм размещения текста в традиции, наращивание звеньев его передачи во времени по формуле $n+1$, где «единицей» является последняя актуальная манифестация сообщения, а « n » репрезентирует всю цепь предшествующей трансмиссии, начиная с источника сообщения [Неклюдов 1995, с. 668–669].

3.

Итак, «достоверность сообщений» (в данном случае – о «диких людях») обеспечивается разными риторическими способами, включая альтернативные:

– описание «событий сегодняшнего дня» как максимально очевидных, либо, наоборот, опорой на давность информации, которая, таким образом, проверена временем и испытана на устойчивость;

---

⁴⁴ *Ринчен* <Б.> Алмас – монгольский родич снежного человека... 1959. С. 10–11.

⁴⁵ Жамцарано Ц.Ж. (1881–1942) – известный ученый, монголовед и бурятолог, общественно-политический деятель Бурятии и Монголии.

– «личным свидетельством» повествователя или, напротив, его дистанцированием от текста, передачей авторства другому, утверждением себя лишь в роли ретранслятора сообщения;

– ссылкой на молву, на общие представления местных жителей, с одной стороны, и на конкретный «авторитетный источник», с другой.

Авторитетность источника гарантируется родством/знакомством с рассказчиком, его принадлежностью к числу социально, культурно, конфессионально значимых персон (главы территориальных сообществ, стражи порядка, старейшины, духовные лица), к военному сословию, к людям «умственного труда» как к надежным носителям «позитивных знаний» (ученые, педагоги, медики и пр.). Источником может быть и «личная история» о конкретном случае, и даже сам казус, описываемый без всякой опоры на какой-либо «речевой акт». Чаще, однако, сведения, которые фиксируются «внешним наблюдателем», передаются не участниками или очевидцами события, а анонимными или групповыми трансляторами, наличие которых удлиняет цепочку трансмиссии до трех и даже четырех звеньев.

Позиция «внешнего наблюдателя», обычно – автора «окончательного» текста, который имеется в нашем распоряжении, в достаточной степени подвижна. Он может быть и выходцем из данной локальной традиции, адаптированным в другой социокультурной среде, и представителем той же национальной культуры, но в ее урбанистической версии, и иностранным специалистом по данному региону со знанием местных языков и обычаев, и (чаще всего) любознательным дилетантом, увлеченным поисками «снежного человека».

Эти качества анализируемого материала – «смикшированность» текстов о «диком человеке» и «ролевых позиций» носителей информации, нечеткость и нерегулярность в обозначении их источников – не позволяют в должной мере оценить зависимость «эвиденциальных маркеров» от разных каналов коммуникации (культурно-языковых, устных/письменных) и от циркуляции сообщений между ними. Что же касается этнорегиональной и исторической специфики наблюдаемых явлений, то уверенно судить о ней пока не позволяет статистическая недостаточность данных. Подобные обстоятельства также приходится учитывать при изучении эвиденциальности как «внутреннего комментария» рассматриваемых текстов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01119

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-01119

*Полевые записи*⁴⁶

Булган, 2007 – Булганский аймак, г. Булган. Зап. 2007 г.

Рашаанд, 2011 – Убурхангайский аймак, сомон Гурванбулаг, пос. Рашаанд. Зап. 2011 г.

Литература

- Артеменко 1994 – *Артеменко Е.Б.* «Образ автора» как структурообразующий фактор фольклорного текста // Исследования по лингвофольклористике / отв. ред. А.Т. Хроленко. Вып. 3. Курск: Изд-во Курского пед. ун-та, 1994. С. 3–5.
- Артеменко 1998 – *Артеменко Е.Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре: На материале былинного эпоса // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1998. № 11. С. 186–195.
- Бичеев 2020 – *Бичеев Б.А.* Притча о царе Ралпачане // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 348–360.
- Борисова 2009 – *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Либроком, 2009. 320 с.
- Веселова, Степанов 2019 – *Веселова И.С., Степанов А.В.* Опыт по ролям: перципиент, конфиден и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.
- Козинцева 1994 – *Козинцева Н.А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- Марций 1975 – *Марций И.Ю.* Стенко Разин донски козак изменник // Иностранные известия о восстании Степана Разина: материалы и исследования / ред. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1975. С. 51–79.
- Неклюдов 1995 – *Неклюдов С.Ю.* Отношение «текст – денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. Т. 1 / ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 667–675.
- Неклюдов 2022 – *Неклюдов С.Ю.* Воскрешение неандертальца и легенда о «снежном человеке» // Шаги/Steps. 2022. Т. 8. № 3. С. 25–50.

---

⁴⁶ Материалы российско-монгольских фольклорных экспедиций 2006–2013 гг., Российский государственный гуманитарный университет – Институт языка и литературы Монгольской академии наук, Архив Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

- Николаева 2014 – *Николаева Н.Н.* Демонологические рассказы в современном бурятском фольклоре (По полевым материалам) // The Journal of Siberian Studies (SAD). 2014. № 2 (5). С. 97–120.
- Новик 2019 – *Новик Е.С.* Способы засвидетельствования и типы повествователя в архаическом фольклоре народов Сибири // Новик Е.С. Миф и ритуал народов Сибири. М.: РГГУ, 2019. С. 307–329.
- Петров 2017 – *Петров Н.В.* Страшная месть снежного человека: каргопольский случай // Городские тексты и практики. Т. 2: Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий / сост. А.С. Архипова*, Д.А. Радченко. М.: Дело, 2017. С. 16–44.
- Прокофьева 1953 – *Прокофьева Е.Д.* Материалы по религиозным представлениям энцев // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 14 / отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 194–230.
- Станюкович 1957 – *Станюкович К.В.* Голуб-яван (Сведения о «снежном человеке» на Памире) // Известия Всесоюзного географического общества. 1957. Т. 89. № 4. С. 343–345.
- Черванёва 2017 – *Черванёва В.А.* Границы достоверности мифологического рассказа: *делал – видел – слышал – был* // Русская речь. 2017. № 5. С. 112–117.
- Черванёва 2019 – *Черванёва В.А.* Типы рассказчика в мифологическом нарративе // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст.: В 5 т. Т. 4: Российская фольклористика в XXI веке: Перспективы развития / сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М.: Государственный Российский дом народного творчества имени В.Д. Поленова, 2019. С. 12–22.
- Черванёва 2022 – *Черванёва В.А.* Смена точек зрения как прием в текстах устной традиции: к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 2. С. 201–215.
- Aikhenvald 2004 – *Aikhenvald A.Y.* Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 452 p.
- Hüfner et al. 2017 – *Hüfner K. et al.* Isolated psychosis during exposure to very high and extreme altitude – characterisation of a new medical entity / K. Hüfner, H. Brugger, E. Kuster, F. Dünsser, A.E. Stawinoga, R. Turner, I. Tomazin, B. Sperner-Unterweger // Psychological Medicine. Vol. 48. No. 11. P. 1–8.
- Stein 1959 – *Stein R.-A.* Recherches sur l'épopée et le barde au Tibet. P.: Press Universitaires de France, 1959. 646 p.

---

* Минюст России внес А.С. Архипову в список «иностранных агентов».

References

- Aikhenvald, A.Y. (2004), *Evidentiality*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Artemenko, E.B. (1994), “The image of the author’ as a structure factor of the folklore text”, in Khrolenko, A.T., ed., *Issledovaniya po lingvofol’kloristike. Vyp. 3* [Research on folklore language, iss. 3], Izdatel’stvo Kurskogo pedagogicheskogo universiteta, Kursk, Russia.
- Artemenko, E.B. (1998), “On the problem of the narrator and his verbal representation in folklore. On a material of the epos”, *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniia i iazykoznaniiia*, no. 11, pp. 186–195.
- Bichev, B.A. (2020), “The parable of King Ralpacan”, *Novyi filologicheskii vestnik*, vol. 55, no. 4, pp. 348–360.
- Borisova, I.N. (2009), *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics], Librokom, Moscow, Russia.
- Chervaneva, V.A. (2017), “Veracity limits of oral mythological narratives: done – seen – heard – happened”, *Russkaya rech’*, no. 5, pp. 112–117.
- Chervaneva, V.A. (2019), “Types of storyteller in mythological narrative”, in Dobrovolskaya, V.E. and Ippolitova, A.B., comp., *III Vserossiiskii kongress fol’kloristov (Moskva, 3–7 fevralya 2014 g.): Sbornik nauchnykh statei: V 5 t. T. 4: Rossiiskaya fol’kloristika v XXI veke. Perspektivy razvitiya* [3rd All-Russian Congress of Folklorists (Moscow, February 3–7, 2014): Collected scientific articles. In 5 volumes. Vol. 4: Russian folklore in the 21st century. Development prospects], Gosudarstvennyi Rossiiskii dom narodnogo tvorchestva imeni V.D. Polenova, Moscow, Russia, pp. 12–22.
- Chervaneva, V.A. (2022), “Changing points of view as a device in the texts of oral tradition. On the issue of the observer in folklore”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 2, pp. 201–215.
- Hüfner, K., Brugger, H., Kuster, E., Dünsser, F., Stawinoga, A.E., Turner, R., Tomazin, I. and Sperner-Unterweger, B. (2017), “Isolated psychosis during exposure to very high and extreme altitude – characterisation of a new medical entity”, *Psychological Medicine*, vol. 48, no. 11, pp. 1–8.
- Kozintseva, N.A. (1994), “Category of evidentiality (problems of typological analysis)”, *Voprosy Yazykoznaniiya*, no. 3, pp. 92–104.
- Martsii, I.Yu. (1975), “Stenko Razin Don cossack traitor”, in Man’kov, A.G., ed., *Inostrannye izvestiya o vosstanii Stepana Razina: materialy i issledovaniya* [Foreign news about the uprising of Stepan Razin: materials and research], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 51–79.
- Neklyudov, S.Yu. (1995), “The ‘text-denotation’ relationship and the problem of truth in narrative traditions”, in Permyakov, E.V., ed., comp., *Lotmanovskii sbornik. T. 1* [Lotmanov collection, vol. 1], ITs-Garant, Moscow, Russia, pp. 667–675.
- Neklyudov, S.Yu. (2022), “The Neanderthal resurrection and the Abominable Snowman legend”, *Shagi/Steps*, vol. 8, no. 3, pp. 25–50.

- Nikolaeva, N.N. (2014), “Demonological stories in modern Buryat folklore (based on field materials)”, *The Journal of Siberian Studies (SAD)*, vol. 5, no. 2, pp. 97–120.
- Novik, E.S. (2019), “Modes of evidentiality and types of narrators in the archaic folklore of peoples of Siberia”, in Novik, E.S., *Mif i ritual narodov Sibiri* [Myth and ritual of the peoples of Siberia], RGGU, Moscow, Russia, pp. 307–329.
- Petrov, N.V. (2017), “The terrible revenge of Bigfoot: the Kargopol case”, in Arkhipova*, A.S. and Radchenko, D.A., comps., *Gorodskie teksty i praktiki. T. 2: N'yuslor: fol'klornaya interpretatsiya aktual'nykh sobytii* [Urban texts and practices, vol. 2: Newslor: folklore interpretation of current events], Delo, Moscow, Russia, pp. 16–44.
- Prokofieva, E.D. (1953), “Materials on the religious beliefs of the Enets”, in Tolstov, S.P., ed., *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences], vol. 14, Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR, pp. 194–230.
- Stanyukovich, K.V. (1957), “Golub-yavan (Information about the ‘Bigfoot’ in the Pamirs)”, *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 89, no. 4, pp. 343–345.
- Stein, R.-A. (1959), *Recherches sur l'épopée et le barde au Tibet*, Press Universitaires de France, Paris, France.
- Veselova, I.S. and Stepanov, A.V. (2019), “Experience by roles: Percipient, confident and others (communicative foundations of the composition of mythological narratives of the Russian North)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 10–24.

Информация об авторе

Сергей Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey.nekludov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4165-4604

Information about the author

Sergei Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergey.nekludov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4165-4604